

Васька-пьяница отвозит дани Ордынному королю

Ище ехал где Васька из Неметчины —
Ище ехал бы Васька по цисту полю.
Ище ехал где Васька да не дорогою,
Не дорогою он да не воротами, —
Церез ту же стену да городовую,
Церез круглу нонь башню да наугольную —
Приезджал ко чареву да нонь кабаку.
Да соскакивал он да со добра коня,
Ище схватывал сбруню да лошадину всю,
Да спущал где коня да но[а] Божью волю,
Ище сам где пошел да на цярев кабак.
Да сидит ле Васька на цареви кабаки,
Ище пил-то сидел да зелено вино
Да поил где голей да нонь кабацких всех.
Да не много он устукал — да как свою сбруню,
Да не много он устукал — в сорок тыщицей.
И не в то ле нонь время да нонь не в ту пору
У того же у князя да у Владимира
Заводилосе столованьё, почесьён пир
Да про многих-то князей да многих бояров,
Да про тех же про сильниих богатырей,
Да про тех палениц да приудалыя,
Да про тех же купцей, людей торговые,
И да про тех про хресьянушок прожитосьних.
Ище долог-от день идёт ко вечору,
Ище весёл-от пир идёт навесели,
Красно солнышко катилосе ко западу,
Да ко западу катилосе — ко закату.
Наливал-де Владимир по цяры первой,
Наливал-де Владимир по цяры второй,
Наливал где Владимир по цяры третьей нынь —
Ище та же ведь цяшка да полтара ведра.
Ище все на пиру да пьяны-весёлы —

Они все на пиру да приросхвастались:
Ище сильней-от хвастат да многой силою,
Да наездник-от хвастат да коньми добрыма,
Да вельможа-та хвастат да золотой казной,
Ище глупой-от хвастат да красной девицэй,
Да безумной-от хвастат да молодой жоной,
Ище умной-от хвастат да старой матерью.
Говорил-то Владимир да таково слово:
«Уж вы ой еси, сильни-могучи вси богатыри,
Ище те же бояра да мои думныя,
Ище те поленици да приудалыя,
Ище вы же купци, люди торговыя,
Ище те же хресьянушки прожитосьни!
Ище хто из вас съездит да в Ордяннѹ Землю
Отвезти королю дары да троёгодныя:
Да двенаццэтъ ноне да добрых молоццей,
Да двенаццэтъ нонь да красных девицэй,
Да двенаццэтъ нонь а́нкрыков золотой казны,
Да двенаццэтъ нонь пар да белых лебедей,
Да двенаццэтъ нонь пар да белых кречятов?»
Ище спрашивал Владимир-от по первой раз,
Ище спрашивал Владимир-от по второй раз,
Ище спрашивал Владимир нонь по третьей раз.
Ище большой-от хороницьсе за среднёго,
Ище средней-от хороницьсе за меньшого,
Да от меньшого нонь да как ответу нет!
А из того же из места да из высококого
Выставаёт-де удалой да на резвы ноги,
Да по имени Добрынюшка Микитиц млад.
Говорыл-де Добрыня да таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир стольне-киевьской!
Не изволь меня казнить да за слово скоро,
Не сади ты меня во темны погребы,
Не ссылай ты меня восылки в дальняя.
Ище некому ехать да во большом столи.
Ише есь у мя названой брат — да горька пьяница:
Да сидит ле нонь Васька на цареви кабаки,
Ище пьё-то сидит да зелено вино».
Тому слову Владимир да не ослышилсэ;

Да нахватывал башмацьки да нонь тасьмяныя,
Побежал-де Владимир да на чарев кабак.
Приходил-де Владимир да на чарев кабак —
Ище спит-то ле Васенька, горька пьяниця,
Ище спит-то на печки да он кирпичьнее,
Приокуталсэ гуней да нонь кабацкоей.
Закрыцял-де Владимир да громким голосом:
«Уж ты ой еси, Васька — да горька пьяниця!
Пробужайсе-тко, Васька, да от крепкого сну
Да пожалуй-ко ко мне да на почесьён пир!»
Отвецял ему Васька — да горька пьяниця:
«Уж ты ой еси, Владимир да стольне-киевской!
Не могу к вам итти да на почесьён пир:
Как болит-то, болит да буйна голова,
Да щипит-то, щипит да ретиво серьцё!»
Наливал где Владимир цяру зелена вина —
Ище та же была цяшка да полтара ведра! —
Подавал-де нонь Васьки — да горькой пьяници.
Принимал ноне Васька да единой рукой,
Выпивал ноне Васька да к едину духу.
Говорыл где Владимир-от по второй раз:
«Ты пойдём-ко-се, Васька, да на поцесьён пир!»
Отвецял ему Васька — да горька пьяниця:
«Как болит-то, болит да буйна голова,
Да щипит-то, щипит да ретиво серьцё!»
Говорил-де Владимир да таково слово:
«Уж ты ой еси, Васька — да горька пьяниця!
Ты соскакивай с пецьки да нонь с кирпичьнеей,
Припадай-ко-се к боцьки да ноне ливером,
Ище пей-ко-се, Васька, да сколько требуёшь!»
Тому слову Василей да не отслышилсэ:
Соскоцил он ведь с пецьки да нонь кирпичьнеей
Да припадывал к боцьки да он ведь ливером,
Да тянул он из боцьки, да сколько следуёт.
Да пошол где нонь Васька да на поцесьён пир:
Да Владимир-от идёт да как попереди,
Ище Васька идёт да позади нонь.
Да приходят они да ко красну крыльцю,
Да пошли где они да во светлу грыню.

Да пошол где нонь Васька по красну крыльцю —
И да ступень-от до ступеня догибаицьсе,
Да красно-де крыльцё да пошатаицьсе.
Во светлу грыню зашол да цяжоло ступил —
Да дубовы-ти столы да отряхалисе,
Вси напитки на столах да розливалисе.
Посадили его в место да нонь высокоё.
Наливал где Владимир цяру зелена вина
(Ище та ж была цяшка да полтара ведра!)
Принимал где нонь Васька да единой рукой,
Выпивал где нонь Вася к единому духу.
Наливал где Владимир да цяру вторую,
Наливал где Владимир да цяру третью нынь.
Ище тут где Владимир да выговарывал:
«Уж ты ой еси, Васька — да горька пьяниця!
Да не можошь ле съездить да в Ордянну Землю
Отвезти нонь дары да троёгодныя:
Да двенаццэт удальных да добрых молоццэй,
Да двенаццэт и нонь да красных девицей,
Да двенаццэт нонь анкирков золотой казны,
Да двенаццэт нонь пар да белых лебедей
Да двенаццэт нонь пар да белых крельцят?»
Тому слову нонь Васька да не ослышилсэ.
Говорыл где Василей да таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир да стольнё-киевской!
Добрыма молодцами нам не заминятисе,
Красныма девицами нам не надаритисе,
Золотой где казной не откупитисе,
Ище белыма лебёдками не наедатисе,
Ище белыма крельцятими не насладатисе!»
Говорыл где Василей да таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир да стольне-киевской!
Ище дай мне-ка названого брата Добрынюшку Микитица!»
Посидели удалы да на цёсном пиру,
Да пошли они ведь нонь да из цёсна пира.
Ище стали где удалы да собиратисе,
Да поехали рибята да во дорожечку.
Приезджали бы они да в Ордянну Землю
Ко тому же королю да ко ординьскому;

Приезджали бы они да на широкой двор
Да соскакивали где да со добрых коней.
Ище Васенька нонь — да горька пьяница
Как оставил Добрыню да в широке дворе
Ище тут-то с татарами бо[а]ротисе.
Ище сам где пошел да во светлу грыню —
Да ступень-от до ступени да догибаицьсе,
Да красно где крыльцё да росшатаицьсе.
Заходил где бы Васька да во светлу грыню,
Ухватил где тотарина нонь за ноги,
Ище нацел он тотарином помахивать,
Ище сам где тотарину приговарыват:
«Ище жилы у его дак не сорвуцьсе,
Да копьё-то у его дак не сломицьсе!»
Ордянной-от король да перепалсэ нонь,
Да бежит он за пецьку да за кирпичсьнюю.
Говорил где король да таково слово:
«Уж ты ой еси, Васька — да горька пьяница!
Ты оставь мне-ка на семена, на плод людей!»
Ище тут где нонь Васька да приохитил всех,
Ище тут где Васька нонь да поворота дал,
Выходил на широку да он на улицу;
Погледел нонь ведь Васька да в широке дворе:
Да прыбил где Добрыня всех тотаровьёв,
Ище тут-де живого да не видать нигде.
Да пошли где рибятушки в торговой ряд,
Нагрузили они да ровно три сумы
Да того ноне платья да дрогоценного
Да поехали вобрат да в стольне Киев-град.
Приезджали ко князю да ко Владимиру.
Да не в то где нонь времё да не в ту пору
Собирал он, Владимир, да как поцесьён пир.
Полуцили рибятушка благодарность всю
От того же от князя да от Владимира,
Да от той же кнегинушки Опраксеи,
Да от тех от бояр да всех от думных,
Ото всех от купцей, людей торговых,
Да от тех палиниц да приудалых
Да от тех от хресьянушок прожитосьних.

(Зап. А. Д. Григорьевым 6 августа 1901 г.: д. Большие Нисогоры — от Мартынова Александра Михайловича, по прозвищу Олёкса Большой (из д. Малые Нисогоры), 73 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.